

ВАСИЛИЙ ГАВРИЛЕНКО

ЛИЦЕДЕЙ

Василий Гавриленко

Лицедей

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Гавриленко В. Д.

Лицедей / В. Д. Гавриленко — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Сергей Леопольдович Антушкин – актер провинциального театра, отнюдь не блещущий интеллектом, но прекрасно запоминающий тексты своих ролей. Он проводит свою жизнь в серости и мелких актерских дрызгах, но однажды его жизнь круто меняется. Прямо с премьерного показа пьесы Гоголя «Ревизор» Сергея Леопольдовича похищают неизвестные люди в черном. Актер оказывается в богатом имении неподалеку от столицы, о нем всячески заботятся, холят и лелеют. Но кому понадобился провинциальный актер? Скоро Сергей Леопольдович узнает шокирующую правду...

© Гавриленко В. Д., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Похищение ревизора	5
Бойня в Ж..., или бунт маленького актера	10
АНГЕЛ СМЕРТИ	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Похищение ревизора

1

В тот день – кстати, жаркий до одури – давали премьеру «Ревизора» в постановке столичного щеголя Шилкишевича (большой, как раньше говорили – моветон, но это между нами). Публики, вопреки ожиданиям, собралось много – напрасно издергался антрепренер Силкин.

Я, конечно, играл Хлестакова – еще бы, прима! – и, должен заметить, не без вдохновения. Этак, знаете ли, поперло меня, и Городничему (Лукьянов) в первом действии налебезил за милую душу, и за Марией Антоновной (Шпанк), приволокнулся эффектно.

В антракте в гримерку ко мне заглянул сам Шилкишевич и, хоть и не похвалил, но и не наорал, как на того же Лукьянова.

– Тут к тебе какие-то, – сказал он между прочим. – Смотри у меня!

Привычка грозить была впитана Шилкишевичем с молоком Немировича-Данченко.

Я обернулся, накладывая грим на вспотевший лоб. Гримерша, конечно, обслуживала эту горячку Шпанк.

Передо мной застыли два человека в черных очках и, если можно так выразиться, черных же костюмах-двойках. Можно? Ну, тогда выражусь! Похожи они были на секьюрити из ювелирного магазина.

– Что вам угодно, господа? – спросил я, вовсе не желая выходить из образа.

И тут... О боже, довольно жутко вспоминать... Впрочем, вспоминать-то особо нечего: лишь вонючий платок, подсунутый мне под нос.

Очнулся я в чем-то черном... Вообще в тот период в жизни моей превалировал черный цвет.

– Где я?

Мне показалось, что я, простите, помер.

– Не бойтесь, Сергей Леопольдович, мы не сделаем вам ровным счетом ничего плохого.

Голос мягкий, а все же было в нем что-то тигриное.

«А кривым счетом?» – испугался я и повернулся. Оказалось, что я еду в таком, знаете ли, черном лимузине и из окна мелькают незнакомые мне, но весьма солидные с виду здания. Я, признаться, никогда не покидал родной Ж...

У тигриного голоса оказалась очень даже не тигриная внешность: ласковые голубоватые глаза, беспомощно-розовая лысина и бородавка на щеке, похожая, тысяча извинений, на махонькую кашку.

– Театр, «Ревизор», – пролепетал я, чувствуя, что сердце срывается с привязи.

– Какой ревизор, Сергей Леопольдович? – протянул бородавка и зачмокал губами. Он нажал какую-то кнопку и – к изумлению моему – из спинки сиденья выскочили два бокала с искрящейся жидкостью.

– Забыл, пардон, представиться. Семен Никитич. А вы?

– Сергей Леопольдович.

От неопределенности фортуны на меня напала икота.

– Ну, вот и замечательно, милейший Сергей Леопольдович. Выпейте, друг мой ситный, икота и пройдет.

«Отравят», – могильно решил я, но бокал взял. Шампанское, надо признать, было отменным, – да чего там! – сроду такого не пил. Хорошо, если б всех таким травили.

– Вот и славно, – сказал Семен Никитич, глядя, как двигается мой кадык, – Вы, мне думается, хотели бы знать, с чем связана такая наша... беседа.

Он легонько дотронулся до моей одежды. Боже свят, я же в костюме Хлестакова! Знаете, курточка еще туда-сюда, но панталоны довольно-таки легкомысленного свойства. Боюсь, обыватель не поймет.

В панике я посмотрел в голубые моря Семен Никитича.

– Да, признаться, хотелось бы знать...

– Не волнуйтесь, на месте мы вас приоденем, – смеясь, промолвил Семен Никитич и тут же посерьезнел, – У меня – то есть у страны – есть для вас работа.

– Какая? – испугался я, вообразив, что меня собираются отправить шпионом в Англию.

– О, очень интересная и творческая, – заокал Семен Никитич, поглаживая рукой мою коленку. – Ведь вы творческий человек?

– В – вероятно.

– Ну-ну, не скромничайте...

Тем временем лимузин подъехал к настоящему имению – постриженные лужайки, фонтанчики, золотые оградки. А дом! То не дом был – дворец!

– Тут вы теперь будете жить, любезный мой Сергей Леопольдович.

Ответить я, как вы понимаете, не смог.

2

– О, какой сон! Эй, Машка?

– Машку привезем потом, Сергей Леопольдович.

Семен Никитич. Так это был не сон! Я огляделся, продирая спросонья глаза: святые отцы, какая это была спальня! Да в эту спальню поместился бы весь театр Ж... со всеми пристройками, надстройками и конем на крыше!

Золото так и слепит очи. Зеркала, тончайшие занавески, ажурная лепнина на потолке. А простыни! Да я б душу продал, чтоб хоть на полчаса прикорнуть на этих простынях!

– Сергей Леопольдович, вы уж не гневайтесь, – говорил между тем Семен Никитич, – Вчера мы дали вам немножечко снотворного, чтоб вы как следует отдохнули.

Он стоял, одетый в смокинг с жилетом. Рядом с ним маячила – о! прелестное создание: глаза – океаны, плечи, что сахар, ну и все прилагающееся.

– Да, кстати, ваша горничная, Степанида.

Имечко, конечно, бугристое, но не в имечке, как говорится, клад зарыт!

– Жду внизу, – коротко бросил Семен Никитич и откланялся.

– Вот ваш костюм, Сергей Леопольдович,

Костюм был весьма и весьма, ничем не хуже семеникитичского, но, знаете ли, я не спешил покидать сладкий плен простыней – признаться, я довольно стеснителен, а тут, как назло, на мне довольно-таки древние трусы. Эпохи, скажем, праотца Адама.

– Я отвернусь, Сергей Леопольдович, – засмеялась Степанида.

О, ангел!

Костюмчик сидел на мне как влитой. Степанида глянула и ахнула.

– Какой вы красавец, Сергей Леопольдович.

Краска удовольствия залила мне лицо, шею, и полилась куда-то вниз.

– Спасибо, Степанида.

– Называйте меня Степа, – разрешила девушка.

Ну что ж, Степа, так Степа, а то и вправду язык сломать можно.

Я спустился по мраморной лестнице, мимо портретов незнакомых мне представительных людей в париках, наверное, королей либо графов. Они смотрели на меня доброжелательно, должно быть, принимая за своего потомка. А чем я не потомок? Spина моя сама собою распрямилась, а грудь сделалась колесом – эх, хорошо!

Внизу был стол, накрытый скатертью, а на нем... Столько жратвы я отроду не видел. Это, кажись, расстегаи, вот осетр с яблоком в пасти, вот ананасы вареные в мадагаскарском роме,

вот швейцарский чиз, вот голландская пастила, вот французские паштет, вино, устрицы, а это, наверное, икра... Хотя нет, икра – она красная, мелкая, а эта отчего-то черная и с горошину.

– Присаживайтесь, Сергей Леопольдович!

Семен Никитич слился с этим изобилием: я, грешным делом, принял его за фаршированного поросенка.

Робость одолела меня, и была б здесь табуретка, сел бы на нее...

– Ну что вы, Сергей Леопольдович, – негодуя, воскликнул Семен Никитич, – Мы у вас в гостях.

И выскочив из-за осетра, он усадил меня во главе стола на витой венский стул рядом с маринованным тайваньским пандюю.

«Мы?» – я огляделся, и во рту у слегка проявленного никарагуанского зулуса увидел невысокого шупленького мужичка с большим, как у сома, ртом и выпученными глазами.

– Олег Власыч, – представил Семен Никитич, уплетая, между прочим, паштет, – Начальник вашего предвыборного штаба.

– Очень тронут, – пропищал Олег Власыч, налегая, кстати, на черные горошинки.

Я решил не удивляться и отдал должное своему измученному «Дошираком» желудку.

3

После завтрака, который стоил многих обедов, мы сидели на обдуваемом зефирами балконе и, пардон, ослабив ремни на брюках, курили кубинские сигары, пуская благородный дым в небо отменной голубизны.

Семен Никитич вдруг закашлял и сказал:

– Теперь поговорим о деле.

Я насторожился: хотелось верить, что речь пойдет не об оплате вышеупомянутого банкета: наличных денег у меня был ноль, а безналичных и того меньше.

– Нужно обсудить предвыборную платформу Сергея Леопольдовича, – произнес Сергей Никитич.

Мне были до люстры, что пред —, что после – выборная платформа.

Олег Власыч слегка рыгнул, невинно прикрыв ладошкой рот, и вдруг понес такую ахиною, что впору было заткнуть уши и закричать «Караул!»: какой-то электорат – что это за птица? – куда – то нужно завлечь, а чтоб его завлечь, нужно провести грамотный пиар, а затем нужен некий компромат, дискредитация и прочая и прочая... Но Семен Никитич делал вид, что ему интересно, даже поддакивал, и я решил не отставать – чем я хуже, я все-таки прима!

Но как я ни старался «соответствовать», словесный поток Олега Власыча придавил меня и, видимо, взгляд мой несколько осоловел, так что Семен Никитич поспешил заметить:

– Да что ж мы Сергея Леопольдовича – то грузим? Ему все это знать вовсе ни к чему. Работа Сергея Леопольдовича начнется завтра.

Брови мои поднялись на небывалую высоту, но, слава создателю, за сигарным дымом никто этого не разглядел.

– А пока, – продолжал Семен Никитич ангельским голосом, – я советовал бы вам, Сергей Леопольдович, пойти соснуть часок-другой, а затем, будьте уж так добры, вызубрите назубок вот этот текст. Это, позвольте заметить, ваша роль.

Он протянул мне листок, отпечатанный на гербовой бумаге и, признаться, поверг в уныние: целых три абзаца!

– Ну что ж, позвольте откланяться, – уныло сказал я и, швырнув недокуренную сигару с балкона, оставил их наедине с электоратом.

– Назубок, Сергей Леопольдович, – бросил мне вслед Семен Никитич.

Я поднялся по мраморной лестнице, невесело поглядывая на своих предков. Некоторые из них сочувственно кивали головами.

Степанида стирала пыль с зеркал, и когда я сказал, что желал бы вздремнуть часок, то кивнула красивою своей головой и тихо вышла вон. Ну, чистый ангел!

Я прилег, не раздеваясь, расширившимися ноздрями ощущая божественный запах постели – простыни, похоже, здесь меняют каждый день. Глаза мои сомкнулись, и я провалился в Ж..., то есть в сон.

Мне снится Ж..., мое детство.

– Тупица, – зовут меня играть мальчишки, но я не выхожу, потому что знаю – играть со мной не будут, а будут мучить.

– Это лимонад, Тупица.

Я все-таки во дворе, и в руке у меня бутылка с желтой, пенящейся, так соблазнительно похожей на лимонад, жидкостью. Вокруг мальчишки: стриженные и вихрастые, белобрысые и черные, загорелые и бледные, имен я их не знаю. А вот того, что дал мне бутылку, толстого и розового, зовут Жирдяй. Он самый главный во дворе.

– Пей, не ссы, – говорит Жирдяй, – Я те отвечаю – лимонад. Только что в магазин бегал. Правда, ребзо?

«Ребзо» кивают головами, а сами потихоньку прыскают со смеху.

Я смотрю на бутылочку – о, какой восхитительно-волнующий цвет! Жара, так хочется лимонаду!

«Понюхай, понюхай», – это уже я, теперешний, кричу во сне себе, тамошнему, но Тупица не слышит...

Лимонад сверкает на солнце. Благодарно посмотрев на Жирдяя, я делаю громадный глоток, и до самого нутра продирает меня вонючей горечью...

Тупица, тупица,

Ссаками упился!

Поют мальчишки и хохочут, физиономия Жирдяя расплывается и вдруг становится лицом директора нашего театра Килкиным...

– А – а – а!

Шелк простынь был все таким же прохладным, но я весь вспотел: привидится ж такое! Я сел на кровати и вспомнил: «Назубок» – липкий такой, тигриный голос. Зубы мои застучали: в спальне-то было уже темно.

Нащупав руками выключатель от лампы, я нажал кнопку. Лампа загорелась, лия на постель мою аристократический свет голландского абажура.

Листок с ролью лежал рядом. Я взял его слегка дрожащей рукой. Вот что там было написано:

– Уважаемые граждане! Дорогие мои, горячо любимые! Предыдущая администрация, коррумпированная и безжалостная, погрязшая в пороке и жажде наживы, ровным счетом ничего не сделала для простого труженика! Уверю вас, что ничего не сделает и мой так называемый конкурент – Алильханов. Напротив, станет в тысячу раз хуже. Продажные шкуры из окружения Алильханова только и ждут, чтобы, дорвавшись до казны, разворовать то, что еще не разворовано Кизляковым! А что оставляют вам? Продукты дорожают, страна сидит на нефтяной игле, девальвация, коррупция!

Но есть выход! Где он? – спросите вы. И я отвечу. Выход – это я, Антушкин Сергей Леопольдович. Я, в противоположность моему сопернику, молод и энергичен. Я и моя команда – честные, справедливые люди, не дадим бюрократам и политическим проституткам безнаказанно угнетать народ. Мы положим конец беспределу! Вы спросите – кто я, и я отвечу: я – это вы! Я – человек из народа, простой рабочий Нилиманского нефтеперерабатывающего завода, ваши беды живут в моем сердце! Алильханов хочет устроить войну, бойню, есть неопровержимые доказательства его связей с ЦРУ и Моссадом! Но вместе мы не дадим ему осуществить эти черные планы!

Я, Антушкин Сергей Леопольдович, со всей полнотой ответственности заявляю вам – я не дам развалить то, что еще не развалено, и построю новое, доброе, вечное! Я, Антушкин Сергей Леопольдович, – ваш кандидат!

Я схватился за голову: какая несусветная галиматья! Да по сравнению с этим даже «Фигаро» покажется легкой прогулкой. И зачем – то все время упоминается мое имя – какой-то, прости господи, катехизис.

Повздыхав, я принялся заучивать и, к своему удивлению, довольно быстро и сносно вызубрил все. Правда, вместо слова «коррупция» язык мой норовил произнести «копупция», а «бюрократам» – «пюрекратам», но зато слово «проституткам» я выучил очень даже легко. Должно, сказалась актерская закалка, хотя того же Хлестакова я запоминал – дай бог памяти – пять недель, и все равно без суфлера никогда не обходился...

Ну да ладно! Признаться, я был доволен собой и, выключив голландскую лампу, совершенно как-то по-русски захрапел.

Бойня в Ж..., или бунт маленького актера

1

Исчезновение Антушкина Сергея Леопольдовича в Ж... было встречено без энтузиазма. Вернее, законная любовница исчезнувшего, или, если позволите, канувшего в Лету лицедея... Позволяете? Продолжаю. Так вот, любовница Сергея Леопольдовича Ада Серапионовна, конечно, порыдала и пошла по инстанциям, но толку от рыданий было немного. Не более чем через неделю она укатила с неким Денгом в олимпийский городок на берегу Черного моря.

Что касается места Антушкина в театре, надо сказать, весьма хлебного, по Ж...повским – то меркам, то на него и прежде заглядывался Городничий – Лукьянов, а теперь-то и вовсе пошел в наступление.

– По какой такой причине мне не дают играть Гамлета, Хлестакова и Чацкого? – кричал он в кабинете директора театра Килкина, – Я, ежели вы помните, единственный заслуженный в Ж...! Антушкин рядом со мной – тьфу! Плюнь и разотри!

– Посмотри на себя в зеркало, – говорил Килкин, издали похожий на быка, – Какой ты, к дьяволу, Гамлет?

– Что вы понимаете в Гамлете? – словно тореадор, Лукьянов втыкал в быка рапиры. – Мне лично Табаков прислал письмо с пожеланиями! Лич-но!

Это был ловкий укол, бык заворочался, пуская из ноздрей сизый дым.

– Хорошо, я подумаю, – пообещал Килкин, кладя искусанную трубку на том Станиславского. – А пока иди, у меня от твоей трескотни в животе бурчит.

Торжествующий Лукьянов вышел из кабинета Килкина, радостно потирая руки.

К вечеру в театре произошли перестановки. Лукьянов занял вожацкое место, на его место поднялся Корытников, Корытничкова заменил Чавкадзе, Чавкадзе – Степушкин. Ну а Степушкин произносил сакраментальное: «Господа, кушать подано». На место Степушкина был принят некий Крамов, из осетинских беженцев, чему он, похоже, был очень рад.

Таким не особо замысловатым образом следа от Антушкина Сергея Леопольдовича в Ж... не осталось. Вы скажете – а память, память людская? И будете совершенно правы.

2

Совсем скоро обновившаяся труппа призвала ж...цев на премьерную постановку «Ангела смерти» – драмы жизнелюба Килкина. Накануне директор театра не находил себе места, метался, скурил все сигареты в доме, незаслуженно оскорбил свою жену Аллу Юрьевну, обозвав ее старухой, несколько раз прикладывался к заповедным запасам водки. Оно и понятно: это был дебют Килкина как сочинителя, а тут еще режиссура, директорская ответственность... Тяжела ты, шапка Мономаха!

Особо почему-то волновал новенький – осетин Крамов – роль у него была крошечная, но – ключевая. В самом конце пьесы, перед занавесом, когда на сцене собираются почти все герои, он выскакивает с дуэльным пистолетом и с криком: «Умрите, ироды!» стреляет. Пистолет дает осечку, Крамов бросает его на пол и в исступлении топчет ногой.

Килкин лично репетировал с Крамовым до собственного исступления, а добиться подобного от осетина так и не смог. Но делать было нечего – дело было вечером, накануне премьеры.

Основательно опустошив заповедные запасы, Килкин улегся спать, заткнув уши ватой и надев на голову колпак.

Словно назло мрачным предсказаниям антрепренера Силкина, публики собралось под завязку – похоже, был весь цвет Ж... Кроме того, в зале было много незнакомых молодых людей в черных очках и черных же костюмах-двойках, похожих на секьюрити в ювелирной лавке, но сидящих преимущественно в вёр.

– Здесь и г-губернатор, – заикаясь, проговорил Лукьянов, выглянув из-за кулис. Он играл ангела смерти – бомбиста Ширяева, и теперь впервые пожалел, что не остался во второстепенном амплуа.

Шумно дыша, за кулисы ворвался Килкин. Он был красен, и от того еще больше походил на быка.

– Все готовы? Крамов?

Осетин кивнул, посмотрев на директора своими ласкающими глазами и, улыбнувшись, показал дуэльный пистолет, добытый в запасниках Ж...ского краеведческого музея.

– Ну, ни пуха, – проговорил Килкин, чувствуя неприятный привкус во рту.

– К черту, – глухо отозвались актеры.

Прозвенел звонок. Представление началось.

АНГЕЛ СМЕРТИ

Драма в пяти действиях
Соч. Килкина Е.Е., директора Ж...ского театра,
Лауреата окружного конкурса сценического искусства,
Кавалера ордена четвертой степени «Слеза Аристофана».

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ширяев, бомбист (заслуженный артист Лукьянов).

Нина, девица 18 лет (Шпанк).

Ниправда, врач (Корытников).

Шилина, проститутка (Орлова).

Царь (Чавкадзе)

Старуха, мать Ширяева (Абдонина).

Дворник (Степушкин).

Гноющийся Архисифилис (Крамов).

Кучер, мамзели.

Действие первое

Явление первое

Дворник. Метет сухие листья. Затем Ширяев.

ДВОРНИК (под нос): Эка навалило! Метешь, метешь... Но все же можно как-то вымести.

А грязь всю, пакость в душах – как выметать?

ШИРЯЕВ: Эй, борода, где тут госпожа Шилина проживает?

ДВОРНИК: Енто какая-токая госпожа?

ШИРЯЕВ: Да шлюха Шилина, где живет, спрашиваю?

ДВОРНИК: Ах, ета! Так вот жеж прямо – и в парадное...

Явление второе

Разбросанная постель, на ней – полуодетая Шилина. С краю сидит Ширяев – встрепанный, страшный, тоже не совсем одет.

ШИЛИНА (игриво): Ну, как?

ШИРЯЕВ: Что как?

ШИЛИНА: Еще придешь?

ШИРЯЕВ: Приду? Да, наверно, приду... Отчего ж не прийти? Оденься, пожалуйста, мне противно глядеть на тебя.

Проститутка прячет в халат свои телеса.

ШИЛИНА: Чайку, миленочек?

ШИРЯЕВ: Нет, благодарю. И не надо меня миленочком звать!

ШИЛИНА (смеясь): А как мне тебя звать?

ШИРЯЕВ (задумавшись): Ну, зови что ли Кобой!

ШИЛИНА: Ко-ба! Кобочка... Это от слова «кобель» что ли?

ШИРЯЕВ (гневно): Дура!

Спешно одевается и убегает прочь.

Явление третье

Шилина одна.

ШИЛИНА: И чего взъерепенился? Фи, больной какой – то!

В дверь стучат.

ШИЛИНА: Кто?

Входит дворник.

ДВОРНИК: Я, мать, это... По полупьяной лавочке...

Кладет на тумбочку смятые деньги.

ШИЛИНА: Надеюсь, пересчитывать не надо?

ДВОРНИК (лезет к ней): Обижаешь!

Шилина хохочет и, протянув руку, выключает свет.

Явление четвертое

Дворник метет улицу. Подходит Царь.

ЦАРЬ: Эй, голубчик, где здесь мадмуазель Шилина проживает?

ДВОРНИК: Шлюха, что ль?

ЦАРЬ (краснея): Но-но, ты полегче, братец!

ДВОРНИК: Вон парадное!

Явление пятое

Царь с Шилиной – расположились на постели почти так же, как недавно с Ширяевым.

ЦАРЬ: Да, мать, ты свое дело знаешь.

ШИЛИНА (закуривая): А то!

ЦАРЬ: Вот что значит опыт. Пожалуй, единственный настоящий профессионал в империи. Были б генералы да адмиралы такими – не просрали б войну.

ШИЛИНА (смеется): Какой ты странный, словно царь.

ЦАРЬ (то же смеясь): Да, словно... Иди ж ко мне, моя дуэнья.

Шилина хохочет и тушит свет.

Действие второе

Явление первое

Ширяев лежит в постели, его мать хлопочет в комнате.

СТАРУХА: Сходил бы ты, что ли, к врачу. Долго ли так мучиться?

ШИРЯЕВ (слабым голосом): Да, пожалуй. Пожалуй, ты права.

СТАРУХА: Хоть и к Ниправде сходи. Даром, что еврей, но, говорят, грамотный.

ШИРЯЕВ: Так то ж деньги надо....

Старуха вздыхает, достает спрятанную в книжке записку.

СТАРУХА: Вот, возьми.

Явление второе

Ниправда, перед ним с задранной рубахой – Ширяев.

НИПРАВДА: Н-да.... Гм...

ШИРЯЕВ (с ужасом): Что, доктор?

НИПРАВДА: Плохи дела.

ШИРЯЕВ: Да говорите же, не томите.

НИПРАВДА: Позвольте спросить вас, мне, как врачу, не возбраняется: были ли вы, батенька, у блудей?

ШИРЯЕВ (смущенно): Да, признаться... Да, был.

НИПРАВДА (цокает языком): Приходите в четверг для подтверждения диагноза, но, боюсь, мой друг – медицина бессильна.

ШИРЯЕВ (почти кричит): То есть как?

НИПРАВДА: Гноящийся архисифилис, гноящийся архисифилис...

ШИРЯЕВ: Да откуда ж...

НИПРАВДА: Вам виднее. Советую, друг мой, заранее озаботиться достойным, понимаете ли, уходом...

ШИРЯЕВ: У меня мать, она может ухаживать.

НИПРАВДА: Вы не поняли, вы опять не поняли, милостисдарь. Так важно достойно уйти из жизни...

ШИРЯЕВ (холодея): Сколько?

НИПРАВДА (железным голосом): Неделя.

Явление третье

Ниправда, Царь.

ЦАРЬ: Так ты, морда жидовская, говоришь – неделя?!

НИПРАВДА: Воля ваша, сударь, супротив правды не попрешь! Я врач, я клятву давал!

ЦАРЬ: Знаю я ваш иудин род с вашими клятвами!

НИПРАВДА: Гноющийся архисифилис, гноющийся архисифилис... Придите, милорд, в четверг для подтверждения...

ЦАРЬ: Так получи ж!

Бьет Ниправду по спине тростью.

Явление четвертое

Ниправда, Дворник с приподнятой рубахой.

НИПРАВДА: Приходи, братец, в четверг, для уточнения. Гноющийся архисифилис, гноющийся архисифилис...

ДВОРНИК: А слова-то какие... Красивые!

Явление пятое

Ширина, Ниправда.

ШИЛИНА (хохоча): Не-де-ля! А иди-ка ко мне, миленочек...

Ниправда отскакивает, как ошпаренный.

Действие третье

Явление первое

Ширяев идет по улице. Навстречу Нина с корзинкой. Сталкиваются, из корзинки выпрыгивают яблоки, скачут по мостовой.

ШИРЯЕВ: О, пардон!

Кидается поднимать яблоки. Кладет в корзинку, наталкивается на глаза Нины.

ШИРЯЕВ: Простите великодушно!

НИНА: Ну что вы, сударь!

ШИРЯЕВ: Позвольте проводить вас, чтобы еще какой – либо остолоп не раскидал яблоки.

НИНА(подумав): Хорошо, позволяю.

Явление второе

Тесная темная комнатка Нины. Ширяев, смущаясь, сидит за столом, пьет чай. Нина выкладывает яблоки из корзинки на подоконник.

НИНА: Берите же сахар, Павел Аркадьич!

ШИРЯЕВ: Спасибо, Нина Ивановна. И давно вы тут живете?

НИНА: С тех пор, как померла маменька. Тогда мы снимали большую комнату на Крестовском, у маменьки был хороший пансион.

ШИРЯЕВ: А нынче вы чем занимаетесь? О, простите, можете не отвечать!

НИНА: Отчего же? Я помогаю княжнам Угрицким и Ланским готовиться к балам.

ШИРЯЕВ: Но балы нынче так редки...

НИНА: Еще ухаживаю за престарелой графиней Кизлярской и ее двадцатью собаками.

Смеется. Ширяев мрачен.

ШИРЯЕВ: Проклятая страна! Это все ты, ты!

НИНА: Что вы сказали?

ШИРЯЕВ: Ничего, Нина Ивановна. Однако позвольте откланяться – мать, наверно, места себе не находит.

Поднимается.

ШИРЯЕВ: Да, Нина Ивановна, но когда же мы теперь снова увидимся?

НИНА: Можно завтра, в саду. Если желаете.

ШИРЯЕВ: Да, конечно, я непременно приду.

Явление третье

Ширяев, делает при свете лампы бомбу.

ШИРЯЕВ: Вот тебе подарочек, негодяй, угнетатель. Последний дар умирающего раба. Неделя! Тебе – то, подлецу, предстоит еще не один год грубого разврата... «Но знаем мы, взойдет она»... Какая же Нина красавица, умница! Я влюблен? Да, похоже, я влюблен. Вот тебе подарочек, угнетатель, пожиратель свободы.

Явление четвертое

Городской сад. Нина, Ширяев.

НИНА: Вы так милы, Павел Аркадьич.

ШИРЯЕВ: Прошу вас, Нина, называйте меня просто Павел.

НИНА: Хорошо ... Павел.

ШИРЯЕВ: Я должен вам признаться.

НИНА (слегка краснея): В чем же?

ШИРЯЕВ: Я люблю вас, Нина! Я полюбил вас с первого взгляда.

НИНА (смеется): Но разве так бывает?

ШИРЯЕВ (задумчиво): Возможно. Я полюбил вас, но права на ответную – простите меня великодушно за нескромность – на вашу любовь, не имею.

НИНА(удивленно): Почему?

ШИРЯЕВ: Я умираю, мне остается жить всего неделя. Теперь уже шесть дней.

НИНА (с ужасом): Что же с вами?

ШИРЯЕВ (заикаясь): Гноящийся архисифилис.

Явление пятое

Нина, Ширяев сидят на скамье в саду.

НИНА: Но почему вы решили отомстить ему? Он же ни в чем не виноват!

ШИРЯЕВ: Не виноват? Вы ли это говорите, Нина? Вы ли это говорите, за жалкие гроши ухаживающая за гнусной старухой, за копейки унижающаяся перед заносчивыми князьями? Вы ли это говорите, живущая в конуре? Вы ли?

НИНА (с обидой): Ну, зачем же вы так!

Ширяев с жаром хватая Нину за руку. Та косится с некоторым страхом – боится заразы.

ШИРЯЕВ: Дорогая Нина, поймите, только убив негодяя, мы – униженные и оскорбленные – сумеем скинуть рабские цепи не с ног или рук, а со своих душ. Душ, понимаете?

НИНА: Не совсем, но вы так говорите...

ШИРЯЕВ: Ах, я совсем не хотел быть красноречивым. Я не люблю краснобайство. Короче, Нина, я решил.

НИНА: А как же этот ваш ... гноящийся архисифилис?

ШИРЯЕВ: Он – мой главный сообщник.

Действие четвертое

Явление первое

Ширяев, слегка покачиваясь, стоит у дороги на пронизывающем ветру – на нем дрянная шинелишка, руки в карманах.

ШИРЯЕВ: Ну, где же ты, черт бы тебя побрал? Проклятая тварь – кожей чувствует опасность. Даже будь ты справедливым и добрым, приведи всех к достатку и благодати, тебя все равно стоило бы убить – из принципа.... Принцип! Гноящийся архисифилис называется этот принцип, не стоит себе лгать. Наполеонишка! Неужто я жалкий Наполеонишка? Чу! Кажись, едет!

Явление второе

Царь в коляске с кучером и мамзелями.

ЦАРЬ (поет): Эх, эх!

Всюду смех!

Отворяй врата, Емеля –
Уж пришла твоя неделя.

Мамзели хохочут.

ЦАРЬ: Поглядите-ка, бомбист! Ха-ха-ха, бомбист!

Мамзели визжат от смеха. Кучер басовито смеется.

ЦАРЬ: Подь сюда, братец, не бойся!

Ширяев подходит.

ЦАРЬ: Ты же бомбист, дорогой?

ШИРЯЕВ: Пробил твой час, ирод!

ЦАРЬ: Знаю. А ну-кось, дай мне ее!

Ширяев изумлен.

ЦАРЬ: Дай, чего ты? Съем я ее что ли?

Ширяев достает из кармана бомбу, подает царю.

ЦАРЬ: Смотри! Смотрите все!

Быстро съедает бомбу. Мамзели от смеха падают в обморок.

ЦАРЬ: Трогай! Эх, эх! Всюду смех!

Действие пятое

Явление первое

Ниправда смотрит на свет колбочку с анализами.

НИПРАВДА: Н – да, сомнений нет: это ты, обезьянье наследие Толстого – американца, – гноющийся архисифилис. Приветствую, батенька. Какая активность! Все время, сколько наблюдаю за тобой, едва удерживаюсь от соблазна... Так и хочется... Совсем немножко... Так заманчиво – неделя, разложение...

Отпивает из колбочки, прикрывает глаза, прислушиваясь к ощущениям. Стучат.

НИПРАВДА: Совсем забыл, сегодня же четверг. Войдите!

Явление второе

Ниправда, царь.

ЦАРЬ: Добрый день, доктор!

НИПРАВДА: Добрый. Как самочувствие?

ЦАРЬ: Разлагаюсь.

НИПРАВДА: Поздравляю вас.

Явление третье

Ниправда, Ширяев, Царь.

ШИРЯЕВ: Можно?

НИПРАВДА: Проходите, батенька.

ЦАРЬ: А, господин бомбист.

НИПРАВДА: Спешу обрадовать – все подтвердилось.

Ширяев роняет голову.

Явление четвертое

Ниправда, Ширяев, Царь, Дворник.

ДВОРНИК: Разрешите войти, ваше благородие?

НИПРАВДА: Входи, братец.

ДВОРНИК: Как там его самое?

НИПРАВДА: А то сам не знаешь.

Дворник тяжело вздыхает.

Явление пятое

Те же и Шилина.

НИПРАВДА: Прошу вас, мадам. Ваш анализ – самый ядреный.

ШИЛИНА: Мерси.

ЦАРЬ (с нежностью глядя на проститутку): Вот он – ангел смерти.

ШИЛИНА: И вам мерси.

Явление шестое

Те же и Гноющийся Архисифилис.

ГНОЯЩИЙСЯ АРХИСИФИЛИС (врывается с пистолетом): Умрите, ироды!

Пистолет дает осечку, Гноющийся Архисифилис бросает его на пол и в исступлении бьет ногой.

Ниправда, Ширяев, Царь, Шилина громко хохочут.

Занавес.

Такую вот пьеску сочинил на досуге Евгений Евгеньич Килкин и, нельзя сказать, что не было в ней рационального зерна. Ну, а бедность декора «Ангела смерти» связана, конечно, с укоренившейся в авторе – к тому же директоре театра – провинциальностью. Согласитесь, сложно поставить в Ж... бродвейскую драму!

Килкин настороженно смотрел в зал. Пока все шло прекрасно. Правда, Лукьянов поначалу был слегка деревянным, но потом, ничего – раскочегарился. Публика принимала так, как должно, – то есть не разговаривала по мобильникам. Дело близилось к занавесу, и вот-вот должен был появиться Гноющийся Архисифилис. Вот и он... Боже, что это?!

В руке у Крамова был не дуэльный пистолет, а самый настоящий, матово-черный «Вальтер»!

– Умрите, ироды!

Хлестко прозвучали выстрелы. Килкин, не веря своим глазам, увидел, как поочередно попадали на пол Шилина, Ниправда, Царь и Ширяев, причем у Царя совершенно отчетливо развалился на части череп. Багровые лужи тут же залили сцену. Шурша, упал занавес.

И – овация. О, какая это была овация! Никогда за всю свою долгую театральную карьеру Килкин не слышал таких бурных аплодисментов.

– Ав-то-ра! – скандировала публика.

Но автору было не до оваций. С ледяной кавказкой усмешкой к нему подступал Гноющийся Архисифилис, держа «Вальтер» на уровне бедра.

– Эдик, ты чего? – пролепетал Килкин.

– Я не Эдик, я Гога, – с жутким грузинским акцентом сказал Крамов и ... эх, если бы только можно было пули ловить зубами!

Все с той же усмешкой негодяй – Архисифилис прошел в гримерку, где ждали вызова на «бис!» красивая актриса Шпак, пожилая Абдонина, а также гримерша и антрепренер. Здесь, как говорили в старину, перо автора спотыкается о рытвины некачественной швейцарской бумаги и умолкает.

Крамов скорым шагом вышел из театра и, сев в черный «Мерседес», крикнул шоферу:

– Гони!

Исчезли, словно растворившись в воздухе, и молодые люди, похожие на секьюрити. Когда открылся занавес, лишь губернатор, несколько заядлых любителей-театралов, да с десятков гонящихся за культурой дам могли созерцать открывшееся печальное зрелище. Ангел смерти витал над сценой.

3

Кто еще знал Сергея Леопольдовича в Ж...? Вы не поверите, всего двое – соседка по дому бабка Акулина и продавец магазина «Продукты» Агния Львовна. Вижу – поверили не все! Я так и знал... Как же так, скажут господа сомневающиеся – человек провел в Ж... детство (пусть и такое, что его хочется поскорее забыть), актерствовал, наконец, просто бродил по улицам.

Начнем с конца, – извиняюсь за каламбур.

Итак, «бродил по улицам». А кто сказал, что он «бродил»? Да Антушкин, кроме дома и театра, не бывал нигде, а театр от дома в двух минутах ходьбы.

Далее: «провел в Ж... детство»... Ах, как я люблю тех, кто сохранил еще в нашем веке святую наивность! Вы думаете, один Ж... на свете? Да может Сергей Леопольдович в Житомире детство провел, или в Железногорске...

Наконец – «актерствовал». Это просто удивительно, что вы не знаете, но в провинциальных театрах до сей поры столько румян кладут на физиономии господ актеров, что их и от чертей отличить трудно, не елико от самих себя.

Думаю, я разбил сомневающихся в пух и прах, хотя боюсь, что найдутся и такие въедливые читатели, которые вовсе не желают щадить чувств автора и которым во что бы то ни стало хочется перебить все население Ж...

Что ж, оставлю это на их совести, а сам с сердечной мукой спешу поведать, как пострадали от ангела смерти бабка Акулина и Агния Львовна.

В провинции многие живут в так называемых «полдомах», «треть домах», а то и «четверть домах» (впрочем, в столице наблюдается еще более изощренный вариант: полкомнаты, треть комнаты или 1/16 комнаты).

Сергей Леопольдович милостью мэра проживал в «полдоме» и соседка, бабка Акулина, – болтливое и весьма склочное существо – доставляла ему немало неудобств. Не удивлюсь: Антушкин обрадовался бы тому, что ранним утром, когда рассветный луч едва-едва коснулся Ж..., в дверь бабки Акулины вкрадчиво постучали.

«Кого нелегкая принесла?»

Никогда не спящая старуха, стуча по полу шлепанцами, подкралась к двери.

– Кто?

– Открывайте, Акулина Петровна!

Батюшки светы! Это был голос Ираклия! Молния воспоминаний насквозь пробила старческий маразм, и Акулина Петровна вспомнила, словно то было вчера: Черное море, красавец грузин на желтом песочке, жаркие объятия в чистом номере гостиницы «Юбилейная».

Сухая ручонка, слегка дрожа, отодвинула щеколду.

Но это был не грузин Ираклий. Читатель, конечно, узнал Крамова...

Наутро бабку Акулину нашли мертвой, и от живой она отличалась только тем, что молчала. Эксперт-криминалист зафиксировал в протоколе асфиксию, а злые языки говорили впоследствии, что Акулина подавилась собственным языком.

Это была самая страшная, но, к сожалению, не последняя смерть в Ж... Последняя случилась 12 июля, и уже после этого ж...вцы не умирали.

Продавец магазина «Продукты» Агния Львовна любила майонез. Не гавайско – ромовый пудинг, а простой майонез. Майонез был ее религией, ее единственной отдушиной в жутковатой затхлости Ж...

Она брала с витрины первое попавшееся ведерко, открывала крышку и, лизнув языком белую кислотоватую поверхность, ставила ведерко обратно на витрину. Потом брала следующее.

– Агнюшка, товар! – крикнул со двора водитель Петька.

– Все привез?

Агния Львовна вышла из магазина и повесила на дверь желтую табличку «Прием товара».

– Вроде...

– Ну, заноси.

Петька, матюкаясь, внес по очереди три больших ящика и отчалил на тархтящем «бычке».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.